

Кирчанов Максим Валерьевич

доктор исторических наук,
доцент кафедры регионоведения
и экономики зарубежных стран
Воронежского государственного университета

ПОЛИТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ В ТРАНЗИТНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ)

Аннотация:

В статье рассмотрена историографическая ситуация в отношении к националистическим тенденциям и политизации. Автор считает, что особая роль истории в развитии национальной идентичности и памяти актуализируется в транзитных обществах. Националистические интеллектуалы стремятся формировать и предлагать обществу исторические нарративы в националистической системе координат, что приводит к различным последствиям: содействует размыванию канонов исторического исследования и политизации историографии.

Ключевые слова:

историография, национализм, историческая память, историческая политика.

Kirchanov Maxim Valeryevich

D.Phil. in History, Associate Professor,
Regional Studies and Foreign Countries'
Economics Subdepartment,
Voronezh State University

POLITICIZATION OF HISTORICAL KNOWLEDGE AND NATIONALISM IN TRANSITIVE SOCIETIES (PROBLEMS AND CONTRADICTIONS)

Summary:

The article deals with the historiographical situation regarding nationalist trends and politicization. The author thinks that the special role of the history in the development of national identity and memory becomes especially relevant in transitive societies. The nationalist intellectuals aspire to provide the society with the historical narratives in the nationalist reference system, which leads to various consequences; in particular, it contributes to diffusion of standards of a historical research and encourages the politicization of the historiography.

Keywords:

historiography, nationalism, historical memory, historical policy.

В транзитных обществах проблемы исторической памяти и национальной истории на протяжении длительного времени сохраняют свою актуальность. История является мощным мобилизационным ресурсом как в деле разрушения старых политических режимов, так и создания новых институтов, призванных санкционировать демократический опыт и придавать легитимность новым режимам. Процессы политического транзита неизбежно сопровождаются фрагментацией общества. Нередко линией расхождения является национальная история, точнее – отношение к историческому прошлому со стороны представителей различных политических сил. Современные русские националисты прилагают немалые усилия к реанимации казалось бы отвергнутых академическим сообществом националистических мифов в стиле Николая Ульянова и других русских великодержавных шовинистов [1] (и их современных наследников, которые определяют большинство украинских деятелей прошлого, составляющих негласный исторический пантеон нации, как «бесчеловечных моральных уродов, как тот же Бандера и Шухевич» [2], что, впрочем, дает повод украинским авторам писать об имперских амбициях России), к написанию истории исключительно «под логотипом службы безопасности». В связи с этим один из сторонников интерпретации украинской истории, которую можно со значительной долей условности определить как русоцентричную, В. Коробов полагает, что «государство в своей работе по созданию и продвижению новых исторических идеологем использует только западную версию. На практике это выглядит как похищение истории у жителей Востока и Юга» [3]. Ситуация не столь примитивна, как кажется российским критикам украинской исторической науки, – скорее всего, ситуация совершенно иная. Доминирование подобного восприятия Украины как неправильного государства, как недогосударства, как Новороссии или «испорченной России» демонстрирует как нельзя более рельефно и отчетливо всю псевдоинтеллектуальную нищету современного русского национализма. Русские националисты предпочитают преувеличивать фактор национализма в развитии исторических исследований в Украине, игнорируя то, что и украинская, и российская исторические науки на современном этапе продолжают развиваться как неосоветские, используя старые, унаследованные от советского периода версии и интерпретации истории.

В значительной степени, но в более меньших масштабах, аналогичная историографическая ситуация существует и в России, где «Отечественная история» пишется по унаследованной от советского периода инерции. Наиболее существенное отличие состоит в том, что в России война не была использована для национализации истории – для подобных целей наилучшим

образом, вероятно, подошла бы история Гражданской войны. В российской исторической памяти для современной России специфика образа войны имеет принципиальное значение, пересмотр которой нередко вызывает раздражение со стороны сторонников неосоветской или условно патристической историографии [4]. Пересмотр истории или ее ревизия является универсальным проявлением форматирования истории или, как полагает российский историк К. Асмолов, попыткой «переписать государственный миф» [5], что, правда, крайне плохо сочетается с попытками создать новую версию истории Великой Отечественной войны. В связи с этим А. Миллер подчеркивает, что «в отличие от бывших советских республик такая национализация не сопровождалась радикальным пересмотром пантеона выдающихся деятелей – происходило, скорее, постепенное добавление персонажей из «белого» лагеря, нередко сопровождавшееся физическим перемещением их останков в Россию. Попытки добавить в национальную «аллею славы» людей, сотрудничавших с гитлеровской Германией, не имели успеха. Однако на смену их огульной демонизации пришло «понимающее» обсуждение. Это принципиально отличало Россию от ее западных соседей, прежде всего прибалтийских республик [6] и Украины, где героизация многих коллаборационистов как борцов за свободу против советской оккупации стала важным элементом нового исторического нарратива» [7].

Отсутствие радикальной ревизии истории Великой Отечественной войны в постсоветской России, по меньшей мере, свидетельствует как о неосоветском характере историографического мейн-стрима (не в том смысле, что подобные работы задают тон развития исторической науки – они просто заглушают альтернативные голоса в силу своего простого большинства), так и о консерватизме российской историографии. Консервативный характер современной историографии русской истории в России уже неоднократно подчеркивался исследователями. В частности, М. Логинов подчеркивает, что «методу «консервирования» национальной истории следует предпочесть создание новых форумов для общеевропейского исторического диалога и критического осмысления прошлого» [8]. Этот прогноз развития российской историографии русской истории следует признать чрезвычайно оптимистичным. Вероятно, российской историографии гораздо удобнее развиваться в условиях консервативной стабильности, игнорируя новейшие и вообще любые альтернативные теоретические и методологические подходы к написанию истории по причине их способности поставить под сомнение существующий канон не написания, а описания прошлого – российская история не может писаться, она может лишь описываться потому, что она уже была написана теми авторами и создана теми историографическими школами, попытка поставить под сомнение авторитет которых чревата маргинализацией для альтернативно и оригинально мыслящих российских историков.

Подобная политическая фрагментированность Украины ведет к фрагментации интеллектуального пространства, исторической и национальной памяти [9]. В Украине фактически установилась ситуация одновременного сосуществования различных версий национальной памяти, которые являются взаимоисключающими, то есть гипотетическая задача достижения компромисса между ними изначально представляется невозможной и нереализуемой. В такой ситуации историческое знание, точнее, коллективные представления различных частей общества о том, что есть историческое знание и в конечном счете история, неизбежно будут подвергаться политизации. Наряду с политизацией историческое прошлое в транзитных государствах подвержено национализации. Анализируя особенности процесса национализации истории в Украине, Георгий Касьянов подчеркивает, что «содержание этого процесса заключается в следующем. Ранее общая история отделяется в сепаратную и превращается в национальную историю, которая вступает в конфронтацию с общей историей» [10].

При сравнении негативных последствий политизации и национализации второе представляется меньшим злом, чем первое, хотя на протяжении XX века сам концепт национальной истории оказался в значительной степени дискредитирован. В связи с этим российский историк М. Бойцов подчеркивает, что «трудности, переживаемые сейчас национальными историями, вызваны не только «внешним» натиском глобализации, но и проявившейся в самих этих образах прошлого «внутренней» болезнью – их собственная способность задавать самоидентификацию сообществ за последние десятилетия явно понизилась. Виной тому преступления, совершенные национальными государствами в XX веке, – преступления, стоившие человечеству многих миллионов жизней. Национальная история писалась в XIX веке с тем, чтобы пробудить гордость за свою нацию. В XX веке национальные истории начали вызывать стыд. Легко «своей» историей гордиться, но крайне трудно принимать на себя груз ответственности за совершенное в прошлом зло. Поэтому самоидентификация через историю происходит сейчас куда сложнее, чем полторы сотни лет назад» [11].

Политические противоречия на Западе в XX веке, которые достигли своего апогея в период двух мировых войн, в значительной степени ослабили идеи национализма и связанный с ним

принцип универсальности и почти правильности национальной истории. В подобной ситуации попытки написания национальной истории в поставторитарных обществах, пересмотр преимущественно социально-экономических версий истории, отказ от идеологически выверенных интерпретаций прошлого нередко могут восприниматься как проявление этнического национализма в контексте роста экстремистских движений. Тем не менее принципы нации и национализма в Восточной и Центральной Европе продолжают оставаться в значительной степени универсальными явлениями. В подобной ситуации национализация истории может выступать в качестве альтернативы политизации, играя в ряде случаев позитивную роль в развитии исторического знания, содействуя отказу от постсоветской инерции и в определенной степени преодолению поставторитарной изоляции, сближению с основными тенденциями развития мировой (западной) историографии, хотя голоса о «модных французских дурачках-конструктивистах, типа Мишеля Фуко» [12] продолжают звучать и в рамках академического сообщества. Ситуация, которая сложилась в постсоветской Украине, не может быть признана уникальной. Подобные тенденции существуют и в Российской Федерации, хотя в России неосоветская тенденция в развитии исторического знания, вероятно, выражена в меньшей степени.

Политизация истории состоялась не только благодаря историкам, но и по инициативе тех или иных политических режимов, которые понимают значительный мобилизационный потенциал прошлого ради достижения тех или иных политических целей и вовсе не заинтересованы в потере столь действенного института влияния на население и при необходимости мобилизации масс. Нередко профессиональные историки играют вторые или вовсе третьи роли в развитии транзитных государств. Комментируя подобную модель отношений между властью и наукой, А. Портнов, отвечая на вопрос «Какова роль историков в стране с неопределенным будущим и не менее неопределенным прошлым?», предполагает, что в Восточной Европе, которая является регионом (по определению А. Даниэля), где процесс «освоения прошлого» в смысле «признания его своим» [13] далек от завершения, «важнейшие вопросы символической политики решались без историков или с их декоративным участием. При переименовании улиц мнение комиссий историков при местных органах власти формально учитывалось, но когда политические решения (например, переименование во Львове улицы Лермонтова в улицу Дудаева) расходились с мнением комиссии, на последнее не обращали внимания. Украинский парламент, несмотря на выводы двух правительственных комиссий историков об ОУН и УПА, рекомендовавших признать участников националистического подполья ветеранами войны, решил по-своему» [14].

Анализируя проблемы, сферы и направления политизации истории, историк Алексей Миллер стал одним из популяризаторов понятия «исторической политики» в российской перспективе. Единого и общепризнанного определения понятия «историческая политика» (*polityka historyczna*), которая как современное явление возникла в Польше [15], не существует. Кроме этого в современных гуманитарных науках практически нет обобщающих исследований, посвященных проблемам исторической политики и памяти [16]. В исследовательской литературе вместе с тем высказываются мнения о том, что «историческая политика» возникла в Германии (хотя аналогичные процессы имели место и в других странах [17]) после завершения Второй мировой войны и была связана с трансформацией немецкой исторической памяти, в первую очередь – относительно роли немцев в войне [18]. По мнению ряда авторов, историческая политика используется для «возрождения неоконсервативной национальной идеологии, опирающейся на ценности этнического патриотизма позапрошлого века» [19]. Манипуляции с прошлым, действительно, преследуют в качестве одной из целей укрепление идентичности, но, вероятно, в большей степени связаны с актуальной политической повесткой дня, а не с национализмом XIX века. В этом отношении явление исторической политики является глубоко современным.

Возникновение самого термина «историческая политика», которая была вызвана стремлением интеллектуальных элит переходных обществ примириться с прошлым и по-новому расставить акценты в событиях, которые имеют принципиальное значение для существования той или иной идентичности, А. Миллер связывает с развитием современной польской историографии [20]. Алексей Миллер полагает, что историческая политика, необходимость которой была актуализирована в 2000-е гг. [21], развивается циклично, подъемы и спады соответственно чередуются.

Анализируя особенности исторической политики А. Миллер, указывает на значительные сложности, связанные с вычленением отдельных ее элементов из общего контекста жизни общества и его интереса к истории, к своему прошлому. В этом отношении историческая политика самым тесным образом оказывается связанной с политикой памяти, являясь (в зависимости от ситуации) ее более частной или более общей формой. Алексей Миллер полагает, что «об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим – тем, которые де-

монстрируют приверженность, хотя бы частичную, демократическим ценностям, в том числе свободе слова... именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных акторов, партий и точек зрения» [22]. С другой стороны, авторитарные общества также характеризовались значительным участием властей в формировании исторической памяти подданных.

В подобной ситуации авторитаризм предлагает свою модель исторической политики: «в авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах всеобъемлющей цензуры и административного контроля над профессиональной историографией. «Инакомыслящие» историки подвергались проработке на партсобраниях, а упорствующие изгонялись из профессии». Поставторитарная историческая политика, связанная с процессами демократизации в корне отлична от старых тактик и стратегий: «в обществе, претендующем на то, чтобы быть демократическим, все эти механизмы претерпевают изменения. В отличие от прежней коммунистической системы партии-государства, группа или партия, которым принадлежит власть в данный момент, перестают быть тождественны Государству. Общественная сфера становится плюралистической, власть уже не может претендовать на тотальный контроль над ней, тем более на репрессивный контроль. Утверждается новый набор официальных норм. Плюралистической становится школа, в которой учитель истории, согласно образовательному стандарту, обладает свободой в выборе учебника и трактовки изучаемых событий и процессов» [23]. Эти перемены представляют собой в большей степени идеальный, воображаемый случай исторической политики, хотя в реальности ее реализация нередко связана не с демократизацией, а с попытками государства восстановить монопольную и доминирующую роль удобных исключительно для него интерпретаций и объяснений прошлого, о чем, например, свидетельствует опыт развития постсоветских историографий в Восточной Европе, например – в Украине и России, где правящие элиты стремятся форматировать историческое воображение, приближая его к советским нормам написания истории.

Историческая политика, или политика памяти, призванная создать «нужный синтез настоящего с прошлым» [24], по мнению наиболее известного ее исследователя и критика в России Алексея Миллера, обладает рядом особенностей, а именно: «во-первых, создание специальных институтов, призванных насаждать определенные трактовки прошлого, выгодные той или иной политической силе... во-вторых, политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации. Разумеется, эта черта не специфична для Восточной Европы, подобное случалось и случается до сих пор, например, в Японии и Турции. Здесь, однако, мы имеем дело с качественными различиями – в одних случаях такое вмешательство чревато серьезными неприятностями для политиков, в других – скорее рассматривается как негласная норма... в-третьих, манипуляция архивами. Сюда входит сохранение режима секретности над многими материалами государственных архивов, которые по закону уже должны быть доступны исследователям; организация приоритетного, а порой эксклюзивного доступа к материалам историков, обслуживающих определенный политический заказ; публикация архивных материалов в препарированном виде, причем без возможности проверки независимыми экспертами... в-четвертых, разработка и использование новых мер контроля над деятельностью историков. Помимо морального давления на оппонентов, возникает целая система официальных и неофициальных способов поощрения близких той или иной партии или политической силе историков. В одних случаях это привилегии в оплате труда и статусе сотрудников, например, Институтов национальной памяти: являясь государственными служащими, сотрудники ИНП получают зарплату, существенно превышающую зарплату коллег в академических и образовательных структурах... в-пятых, политическое вмешательство в содержание учебников и программ преподавания, вплоть до откровенного нарушения закона» [25].

Вероятно, современная историческая политика, реализуемая в странах Центральной и Восточной Европы, теоретически и методологически связана с тем явлением, которое известно как «проработка» или «преодоление» прошлого. Под преодолением прошлого, как правило, понимают «совокупность действий и знаний, на основании которых новые демократические государства относятся к государствам-предшественникам, воспринимают структурное, персональное и ментальное наследие тоталитарных государств, прорабатывают собственную историю» [26]. Исторические политики постсоветских и постсоциалистических стран основаны на диаметрально противоположных ценностях и культивируют различные исторические мифы. По мнению российского исследователя В. Дунаева, историческая политика Польши изначально была направлена на примирение соседей по Восточной Европе: «самым большим разочарованием стала реакция Украины в период президентства Виктора Ющенко. Украинская историческая политика так и не откорректировала свой миф казацкой державы в плане ослабления его антипольского пафоса. Но еще больше обострила противоречия между странами украинская интерпретация национально-освободительного

движения, героизирующая абсолютно неприемлемые для поляков фигуры. Не возникло гармонии и между польским и литовским историко-политическими мифами» [27].

Поэтому исторические политики восточно-европейских стран направлены на достижение различных целей: если украинская историческая политика направлена на формирование украинской нации, укрепление украинской национальной идентичности, в то время как польская историческая политика, вероятно, в большей степени направлена на преодоление тех исторических травм, которые Польша получила в результате мировых войн, потери независимой государственности и авторитарного политического опыта. В этом контексте историческая политика несет в себе немалый интеграционный потенциал, который в перспективе может отформатировать интеллектуальное пространство Центральной и Восточной Европы, способствуя преодолению фрагментации и формированию некой общей восточно- или центрально- европейской идентичности и исторической памяти.

Ссылки:

1. Аксёненко С.И. Об украинском национализме и украинской национальной идее [Электронный ресурс]. URL: http://zhurnal.lib.ru/a/aksenenko_s_i/nacionalizm.shtml (дата обращения: 15.10.2013).
2. Данилин П. Историческая политика Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://politvolga.ru/actual-news/blog-osphere/istoricheskaja-politika-ukrainy.html> (дата обращения: 15.10.2013).
3. Коробов В. Похищение Истории. Украинский опыт. [Электронный ресурс]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Pohischenie-Istorii.-Ukrainskij-opyt> (дата обращения: 15.10.2013).
4. Сенявская Е., Сенявский А. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/osobaya_tema/velikaya_pobeda_65/vtoraja_mirovaja_vojna_i_istoricheskaja_pamat_obraz_proshlogo_v_kontekste_sovremennoj_geopolitiki_2010-05-18.htm (дата обращения: 15.10.2013).
5. Асмолов К. Что такое ревизионизм и почему так важно с ним бороться [Электронный ресурс]. URL: <http://actualhistory.ru/polemics-antirevizionizm-1> (дата обращения: 15.10.2013).
6. Онкен Э.-К. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа / ред.-сост. М. Габович. М., 2005. С. 436–451.
7. Миллер А. Лабиринты исторической политики. Прошлое России и попытка самоидентификации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Labirinty-istoricheskoi-politiki-15219> (дата обращения: 15.10.2013).
8. Логинов М. Историческая политика на постсоветском пространстве, или: На восточном фронте без перемен // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. 2009. № 1.
9. Матева С. Общественная коммуникация и историческая память // Известия на Катедра «Българска история и археология» и Катедра «Обща история» ЮЗУ «Неофит Рилски». 2005. № 2.
10. Касьянов Г. Национализация истории в Украине [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2009/01/06/kasyanov.html> (дата обращения: 15.10.2013).
11. Бойцов М. История закончилась. Забудьте [Электронный ресурс]. URL: http://www.goldentime.ru/nbk_23.htm (дата обращения: 15.10.2013).
12. Дискуссия о борьбе с «фальсификацией истории» в Петербурге [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cogita.ru/syuzhety/kultura-pamyati/diskussiya-o-borbe-s-falsifikaciei-istor> (дата обращения: 15.10.2013).
13. Как завершить историю СССР : материалы круглого стола [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/analyt-ics/2008/04/24/istramat.html> (дата обращения: 15.10.2013).
14. Историк. Гражданин. Государство. Опыт нациестроительства [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html> (дата обращения: 15.10.2013).
15. Мельников И. Историческая политика: взгляд из Варшавы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1457> (дата обращения: 15.10.2013).
16. Требст Шт. «Какой такой ковер?» Культура памяти в посткоммунистических обществах Восточной Европы: попытка общего написания и категоризации // *Ab Imperio*. 2004. № 4. С. 41–78.
17. Актюрю Ш. Историческая политика в Турции: ревизионистская историография бросает вызов официальной версии войны Турции за независимость // Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2012. С. 506–542.
18. Бергер Ш. Историческая политика и национал-социалистическое прошлое Германии, 1949–1982 гг. // Там же. С. 33–60.
19. Дунаев В. Восточно-европейская историческая политика [Электронный ресурс]. URL: <http://nmnby.eu/news/analyt-ics/2983.html> (дата обращения: 15.10.2013).
20. Миллер А. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2008/05/08/miller3-istoricheskaya-politika-vostocnaya-evropa.html> (дата обращения: 15.10.2013).
21. Зигзаги исторической политики [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ua/lectures/2011/10/18/miller.html> (дата обращения: 15.10.2013).
22. Миллер А.И. Историческая политика: витки спирали в Восточной Европе начала XXI века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354> (дата обращения: 15.10.2013).
23. Там же.
24. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческое знание и его функции. С. 33.
25. Миллер А.И. Историческая политика: витки спирали ...
26. Михалева Г. Преодоление тоталитарного прошлого: зарубежный опыт и российские проблемы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1616/1630/> (дата обращения: 15.10.2013).
27. Дунаев В. Указ. соч.

References:

1. Aksenenko, SI 2013, *On Ukrainian nationalism and the Ukrainian national idea*, retrieved 15 October 2013, <http://zhurnal.lib.ru/a/aksenenko_s_i/nacionalizm.shtml>.

2. Danilin, P 2013, *The Politics of History of Ukraine*, retrieved 15 October 2013, <<http://politvolga.ru/actual-news/blog-osphere/istoricheskaja-politika-ukrainy.html>>.
3. Korobov, V 2013, *Abduction Stories. Ukrainian experience*, retrieved 15 October 2013, <<http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Pohischenie-Istorii.-Ukrainskij-opyt>>.
4. Senyavskaya, E & Senyavskiy, A 2010, *Second World War and historical memory: the image of the past in the context of modern geopolitics*, retrieved 15 October 2013, <http://www.perspektivy.info/osobaya_tema/ve-likaya_pobeda_65/vtoraja_mirovaja_vojna_i_istoricheskaja_pamat_obraz_proshlogo_v_kontekste_sovremennoj_geopolitiki_2010-05-18.htm>.
5. Asmolov, K 2013, *What is revisionism and why it is important to deal with it*, retrieved 15 October 2013, <<http://actualhistory.ru/polemics-antirevizionizm-1>>.
6. Onken, E-K 2005, 'From history to the history of the liberation of the occupation. Perception of the Second World War and the memory of it in Latvia after 1945', *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*, Moscow, p. 436-451.
7. Miller A 2013, *Labyrinths of historical policy. Russia's past and attempt to self-identification*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.globalaffairs.ru/number/Labirinty-istoricheskoi-politiki-15219>>.
8. Loginov, M 2009, 'Historical policy in the former Soviet Union, or: On the eastern front, without re-men', *Forum modern East European history and culture*, no. 1.
9. Mateeva, S 2005, 'Communication and historical memory', *News of Bulgarian history and archeology Department and the General history Department, Neophyte Rilski*, no. 2.
10. Kasyanov, G 2009, *Nationalization of stories in Ukraine*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2009/01/06/kasyanov.html>>.
11. Boitsov, M 2013, *The history ended. Forget*, retrieved 15 October 2013, <http://www.goldentime.ru/nbk_23.htm>.
12. *Discussion about the fight against "falsification of history" in St. Petersburg* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://www.cogita.ru/syuzhety/kultura-pamyati/diskussiya-o-borbe-s-falsifikaciei-istor>>.
13. *How to complete the story of the USSR: Materials of the round table* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ru/analyt-ics/2008/04/24/istpamat.html>>.
14. *Historian. Citizen. State. Experience of nation-building* 2013, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2010/07/07/portnov.html>>.
15. Melnikov, I 2013, *The Politics of History: A View of Warsaw*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.novpol.ru/index.php?id=1457>>.
16. Troebst, S 2004, "'What sort of carpet?'" Culture of remembrance in post-communist societies of Eastern Europe: an attempt to categorize the general writing', *Ab Imperio*, no. 4, p. 41-78.
17. Akturk, S 2012, 'Historical politics in Turkey: the revisionist historiography challenges of Official version of the war for the independence of Turkey', in Miller, A & Lipman, M (ed.), *Historical policy in the twenty-first century*, Moscow, p. 506-542.
18. Berger, S 2012, 'The Politics of History and National Socialist Germany's past, 1949-1982', in Miller, A & Lipman, M (ed.), *Historical policy in the twenty-first century*, Moscow, p. 33-60.
19. Dunaev, V 2013, *Eastern European historical policy*, retrieved 15 October 2013, <<http://nmnby.eu/news/analyt-ics/2983.html>>.
20. Miller, A 2008, *"The Politics of History" in Eastern Europe: the fruit involved observation*, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2008/05/08/miller3-istoricheskaya-politika-vostochnaya-evropa.html>>.
21. *Zigzags of historical policy* 2011, retrieved 15 October 2013, <<http://polit.ua/lectures/2011/10/18/miller.html>>.
22. Miller, A 2013, *The Politics of History: spiral turns in Eastern Europe beginning of the XXI century*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>>.
23. Miller, A 2013, *The Politics of History: spiral turns in Eastern Europe beginning of the XXI century*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>>.
24. Savelieva, IM & Poletaev, AV 2013, *Historical knowledge and its functions*, p. 33.
25. Miller, A 2013, *The Politics of History: spiral turns in Eastern Europe beginning of the XXI century*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.globalaffairs.ru/number/Vyzov-iz-proshlogo-15354>>.
26. Mikhaleva, G 2013, *Overcoming totalitarian past: Russian and foreign experience problems*, retrieved 15 October 2013, <<http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1616/1630/>>.
27. Dunaev, V 2013, *Eastern European historical policy*, retrieved 15 October 2013, <<http://nmnby.eu/news/analyt-ics/2983.html>>.